

О НОВОНАЙДЕННЫХ ТЕКСТАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Настоящим, XVI томом завершается издание полного собрания сочинений великого русского писателя. В предыдущие пятнадцать томов вошли все известные до последнего времени произведения Чернышевского. В XVI, дополнительный том сочинений Чернышевского входят, за немногими исключениями, вновь открытые за последнее время тексты Чернышевского. Сюда относятся: тринадцать обзоров «Журналистики» из журнала «Отечественные записки» за 1854—1855 гг.; пять обзоров «Новостей литературы, искусств, наук и промышленности» из того же журнала за 1854 год; два обзора «Иностранных известий» из журнала «Современник» за 1854 год; около двадцати рецензий на вышедшие в 1853—1861 гг. книги по различным вопросам литературы, искусства, науки; ряд статей по вопросам истории и естествознания, относящихся ко времени пребывания в сибирской ссылке и к последним годам жизни Чернышевского; несколько писем, записок, телеграмм и заявлений, имеющих политическое или научное значение.

В приложениях к тому впервые печатаются замечания на книгу Бокля «История цивилизации в Англии», наиболее важные семинарские и студенческие сочинения и собственноручные списки произведений Н. Г. Чернышевского, составленные им в 1861, 1852 и 1888—1889 гг.

Публикуемые в настоящем томе произведения, в частности «Иностранные известия», «Новости литературы, искусства, наук и промышленности», «Журналистика», характеризуют Чернышевского как выдающегося революционно-демократического мыслителя России середины XIX века, как талантливейшего публициста и обозревателя важнейших международных событий и событий внутренней жизни страны. Круг вопросов, поднятых в обзорах, чрезвычайно широк: внутренняя и внешняя политика различных государств, положение трудящихся в капиталистических странах, состояние образования, литературы и искусства, вопросы цензуры, важнейшие научные открытия и изобретения в различных странах и т. д., и т. п.

Характеризуя международные отношения середины 50-х гг., Чернышевский горячо выступает против национального угнетения поработенных народов. Когда журнал «Москвитянин» в 1854 году перепечатал из «Одесского вестника» письма из Болгарии, Чернышевский в очередном обзоре «Современника» отметил, что письма «о положении болгар под турецким владычест-

вом... интересны потому, что писаны очевидцем всех беспорядков, притеснений и жестокостей, которые терпели бедные болгары». (наст. том, стр. 44). Когда «Современник» опубликовал в 1854 году статью Ковалевского «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события», Чернышевский немедленно откликнулся на эту статью в очередном обзоре «Журналистики», отметив исключительное мужество и геройство, проявленное черногорцами в освободительной войне против турецких захватчиков.

Чернышевский всегда проявлял большой интерес к национально-освободительному движению венгерского народа против австрийского владычества, сочувствовал этому движению и еще в 1848 году называл себя другом венгров. В своей рецензии на книгу «Географические очерки и картины. По Грубе», опубликованной в 1861 году в «Современнике», Чернышевский выделил из книги первый очерк, посвященный венграм. В противоположность политикам и идеологам из лагеря тогдашней всевропейской реакции, клеветавшим на освободительное движение венгерского народа, Чернышевский показал честность, мужество, смелость и отвагу венгров в борьбе с угнетателями, прогрессивный характер и справедливость этой борьбы.

С большим сочувствием относился Чернышевский к борьбе колониальных народов против иноземных захватчиков. Ссылаясь на записку, которая была в 1854 году прочитана в Лондонском обществе заграничных ученых о необходимости для Индии улучшения путей сообщения, развития в этой стране земледелия и т. д., Чернышевский указывал на отсталость Индии и на опасности, которые подстерегают в связи с этим Индию. «В самом деле, доказательства представлены очень ясные: всего из Индии вывозится товаров на сумму только от 10 до 20 миллионов фунтов стерлингов, при народонаселении в 150 миллионов; сравните эти цифры с цифрами доходов и торговли Соединенных Штатов, имеющих в шесть раз менее населения, и вы скажете, что Индия действительно находится в жалком положении» (стр. 116).

В 1852 году шарлатаны из англо-саксонских расистов «привозили в Лондон двух уродцев, выдавая их за ацтеков», то есть потомков мексиканцев. Английская печать тогда охотно рекламировала утверждения этих шарлатанов о том, что будто бы ацтеки имеют остроконечные головы и птицеобразные лица. Воспользовавшись тем, что в 1854 году были отысканы настоящие потомки древних мексиканцев, Чернышевский опроверг эту клевету. Он привел положительные доказательства, что в действительности новооткрытое племя потомков мексиканцев «не отличается никакими неслыханными особенностями в своей организации».

В своих обзорах Чернышевский разоблачает захватнические агрессивные цели северо-американских капиталистов в отношении других народов. Он рассказывает, как американцы в 50-е годы XIX века прибирали «к рукам все рынки, которые можно вырвать у соперников англичан», как они в 1854 году «отправили в Японию довольно значительную эскадру с требованием, чтобы японцы... вступили с северо-американцами в дружеские сношения». Тогда дело не дошло до вооруженной борьбы, но американцы были готовы «попугать своих новоприобретаемых приятелей, чтобы «внушить» им, как справедливо сказано: О дружба, кто тебя не знает, не знает тот и красных дней...— То есть, кто не хочет мирной торговли (с американцами.—В. Е.), тому приходится плохо» (стр. 244—245).

Эти слова Чернышевского приобретают особую актуальность в нашу эпоху, когда американские империалисты во-всю прибирают к своим рукам рынки своих английских соперников, когда они во имя установления своего господства над миром и получения максимальных прибылей, уничтожают национальную самостоятельность суверенных государств, подчиняют их диктату американских монополий, подавляют сопротивление собственного народа и растущее освободительное движение в других странах, развязывают захватнические войны.

На большом материале раскрывается Чернышевским хищническая эксплуататорская сущность капитализма. Опираясь на фактические данные записки «О патологии рабочих в рудниках и копях», прочитанной в 1854 году на заседании Лондонского общества искусств, он обвиняет капитализм в систематических и массовых убийствах рабочих. В Великобритании, — писал Чернышевский, — из тысячи рудничных «рабочих 125 бывают убиваемы, засыпаемы землей, убиваемы обрушивающимися кусками земли, балками и вообще кончают жизнь неестественною смертью, так что из 250 000 рабочих в Англии 30 000 должны погибнуть насильственной смертью» (стр. 120). Помимо этого, капитализм несет рабочим непременно сокращение естественного срока жизни, исчисляемое в среднем 12—15 годами.

Опираясь на материалы книги Джона Френсиса «История лондонской биржи», Чернышевский очень хорошо показал, каким сильным орудием политического гнета и эксплуатации народных масс является буржуазное государство. В своих обозрениях он раскрывает картины продажности государственных чиновников и членов английского парламента при выпуске займов, установлении тех или иных налогов, всей своей тяжестью падающих на трудящиеся классы, подкупы избирателей при выборах в парламент и т. д.

В рецензии на книгу Д. Мацкевича «Заметки о женщинах» (1854) Чернышевский пропагандирует демократический принцип равноправия женщин с мужчинами. Он разоблачает крепостнический взгляд на женщину, как на вещь, как на существо, которое якобы по природе своей не может в умственном и других отношениях сравниться с мужчиной. Отметив разницу в воспитании и положении женщины в семействе и в обществе в сравнении с мужчиной при буржуазно-помещичьем строе, Чернышевский указывал, что во всех отраслях деятельности, которые в обществе равно открыты для мужчины и женщины, женщины выказывают не менее ума, характера, гениальности, нежели мужчины. Утверждения реакционеров об отсутствии между женщинами великих живописцев или великих скульпторов и т. д., по мнению Чернышевского, не выдерживают критики хотя бы уже потому, что всем этим видам искусства «учатся сотни тысяч мужчин и всего только пять-шесть женщин в целой Европе. Удивительно ли, что когда из сотни тысяч мужчин выходит один Брюллов, из пяти или шести женщин не выходит ни одной Брюлловой?» И то, замечает Чернышевский, «касательно скульптуры петербургские писатели могли бы припомнить, проходя по Адмиралтейской площади, что голова медного всадника изваяна женщиной». В заключении этой замечательной рецензии говорится, что мнение «будто бы женщина не только различается от мужчины по направлению ума, но и ниже мужчины по уму... давно отвергнуто, как самохвальство грубых времен, когда достоинство человека измерялось физической силою» (стр. 283).

Эти замечательные мысли Чернышевского дороги и близки нашему народу и всему прогрессивному человечеству. Женщины нашей страны и всего передового человечества справедливо считают Чернышевского одним из великих поборников всестороннего освобождения женщины, неутомимым пропагандистом женского равноправия. В нашей стране под руководством коммунистической партии воспитаны десятки тысяч женщин — ученых, деятелей искусства и литературы, государственных деятелей и миллионы сознательных строителей коммунизма.

Чернышевский раскрывал перед российским читателем начавшийся уже тогда процесс загнивания буржуазной культуры, процесс резкого усиления реакции в идейной жизни буржуазного общества. Он едко осмеивает массовое распространение в США, Англии и Франции мистики «столоверчения», так называемых «духов-постукивателей». Приведенный Чернышевским «доклад» некоего мистера Шильдса северо-американскому сенату о широком распространении мистики в США (стр. 261—263) весьма характерен для американской реакционной системы идейного одурачивания масс, которая в наше время нашла свое дальнейшее развитие в концепции так называемого «американского образа жизни», идейно-обосновываемого различными философскими школками современной американской империалистической буржуазии.

Материалы, включенные в XVI том, хорошо показывают непримиримость Чернышевского ко всяческим проявлениям философской реакции. Когда, в связи со смертью Шеллинга, в 1854 году в русской реакционной печати появились хвалебные отклики о Шеллинге и его философии, Чернышевский счел необходимым выступить против апологии Шеллинга и изложить точку зрения российской революционной демократии на философию немецкого идеалиста.

В противоположность реакционным защитникам так называемой положительной философии Шеллинга Чернышевский с трибуны журнала «Отечественные записки» подверг резкой критике реакционную политическую сущность и научную несостоятельность философской системы Шеллинга. Он писал: «Шеллинг пережил свою славу. Та система философии, которая прославила имя его, ныне оставлена всеми; он сам изменил ей и в последние 20 или 30 лет своей жизни трудился над развитием новой системы, которая, по его мнению, пополняла односторонность прежней; на самом же деле, будучи лишена ее достоинств, только соединила прежние недостатки с новыми» (стр. 173). Чернышевский показывает, что идейный крах Шеллинга был неизбежен, ибо, выполняя поручение прусского короля, Шеллинг ополчился не против реакционных, а против прогрессивных сторон философии своих предшественников и современников. Слушатели, с любопытством собравшиеся на его лекцию, писал Чернышевский, скоро увидели, что громко возвещенная новая философия не более как «жалкое искажение прежней системы Шеллинга произвольными дополнениями, противоречащими духу всякой философии; ожидания были обмануты, любопытство утасло, и Шеллинг был забыт...» (стр. 78).

Но вместе с тем, в полном соответствии с исторической истиной, Чернышевский высоко оценил мысль о существенном единстве законов природы, сформулированную Шеллингом в ранний период его деятельности. Эта мысль, говорит Чернышевский, была высказываема Шеллингом и его последователями

(из которых значительнейшим был натуралист Окен) в трансцендентальной форме, но их стремление видеть во всей природе существенное единство законов, только принимающих различные формы в различных царствах природы, шло навстречу действительной науке. Великий русский мыслитель, с удивительной проницательностью выделивший рациональное положение из хлама шеллингианской философии, поставил его в связь с открытиями современной ему науки. «Теперь, — писал он, — положительные науки успели вывести из исследования фактов подобную же уверенность, во многих случаях доказав тожество сил и законов природы, обнаруживающихся, повидимому, совершенно различными явлениями. Для этого довольно, с одной стороны, указать на признанную теперь всеми натуралистами существенную связь электричества, магнитной силы, света, тепла и движущей силы, с другой стороны, на доказанное теперь Либихом и его учениками существенное единство химических законов в органической и неорганической природе, на либиховы объяснения процессов питания и дыхания» (стр. 174). Так Чернышевский, продолжая материалистические традиции русской прогрессивной науки и философии и используя малейшие возможности подцензурной печати, защищал материализм против идеализма, организовывал борьбу материализма против идеализма.

В XVI том входят некоторые важные работы Чернышевского в области языковедения. К ним относятся «Опыт словаря к Ипатьевской летописи», новооткрытые рецензии на книгу Гильфердинга «Об отношении языка славянского к языкам родственным» и на первую книгу «Учсных записок» Второго отделения Академии наук и другие.

Чернышевский очень высоко оценивал научные возможности сравнительно-исторического метода в языкознании, но при условии если этот метод опирается на сравнительно-исторический анализ всех важных сторон языков, изучаемых в связи с историей народов, говорящих на этих языках. Но он был против сравнительно-«исторического» метода буржуазного ученого Гильфердинга, метода, основывающего свои заключения на фактах внешнего, случайного совпадения в языках отдельных признаков, на фактах изолированного рассмотрения отдельных сторон языков в отрыве от исторической жизни народов. К тому же, как это видно из приводимых ниже рассуждений Чернышевского, одной из важнейших задач сравнительно-исторического метода он считал раскрытие не только сходства между изучаемыми языками, но и существенных различий между ними, если они имеются.

Гильфердинг в книге «Об отношении языка славянского к языкам родственным» утверждал, что родство славянского языка с санскритским гораздо больше, нежели с греческим, латинским, немецким; с другой стороны, не только новоперсидский, но и Zendский языки якобы гораздо далее уклонились от санскритского, нежели славянский. Поэтому славянский язык, обыкновенно причисляемый к европейской (западной) ветви индоевропейских языков, надо причислять к азиатской (восточной), к которой принадлежит санскритский. Свое заключение Гильфердинг основывал на том, что звуки всех индоевропейских языков, кроме славянского, далеко уклонились от санскритских звуков, а звуки славянского остались в необыкновенной близости с санскритским

Как показал Чернышевский, заключения Гильфердинга основаны на одностороннем и поверхностном сравнительном рассмотрении славянского и санскритского языков. Гильфердинг брал лишь звуки обоих языков, не обращая никакого внимания на такие важные части языка, как этимология и корни. Чернышевский считает такой подход возвратом к метафизике XVII века, которая давно исчерпала свои научные возможности и превратилась в оковы для всякой науки: «Правда, — писал Чернышевский, — было время, когда предметы классифицировались не по соображению всех их существенных признаков, а по одному признаку. Так, млекопитающих в старину делили на классы по зубам, или по образу жизни, растения — по числу тычинок и пестиков, народы — на племена по лицевому углу или по цвету волос и кожи. Но... подобный способ классификации давно уж признан годным только для забавы, и сочтено необходимым при распределении предметов на классы принимать в соображение все их важнейшие признаки, все их существенные стороны. Таким образом, и при классификации языков признано необходимою принимать в соображение все существенные стороны языка, то есть 1) фонетику, 2) этимологию и 3) корни. Если б г. Гильфердинг поступил сообразно требованиям науки, конечно, он пришел бы совершенно не к той классификации, какую видим у него теперь, и, по всей вероятности, не опровергал бы, а признавал бы выводы великих подвижников на поприще беспристрастного языкоучения» (стр. 8).

Чернышевский доказал, что сходство звуковых законов славянского и санскритского языков является внешним, случайным; такое сходство можно обнаружить между самыми далекими друг от друга языками, например между татарским, китайским, новозеландским с одной стороны, и немецким или английским, с другой стороны. «...Гильфердинг замечает только внешнее сходство, какое всегда можно найти между всем на свете, и не хочет замечать существенного различия... Такие попытки только компрометируют науку в глазах неспециалистов, которые, не будучи в состоянии заметить, соблюдены ли ученым требования науки, замечают только, что выводы, представляемые ученым, противоречат и географии, и истории, и физиологии» (стр. 11).

Чернышевский, таким образом, разбивает всю аргументацию идеалиста-метафизика Гильфердинга, не оставив от нее камня на камне, и формулирует важные материалистические положения в области языкознания. При этом он блестяще применяет диалектический метод.

Значительную часть рецензии Чернышевского на первый выпуск «Ученых записок» Второго отделения Академии наук составляет разбор обширной статьи М. Сухомлинова «О языкознании в древней России». Указав на то, что состояние языкознания у народа служит одним из выражений его образованности и поэтому входит как черта в историю внутреннего быта и в политическую историю народа, Сухомлинов ограничил тему своего исследования вопросом о знакомстве наших предков с иностранными языками. Подробное исследование этого предмета, говорится в рецензии Чернышевского, может иметь тройкий смысл: во-первых, оно может дать много фактов, могущих объяснить, какие национальности стояли всего ближе к нашим предкам и до какой степени имели на них влияние. Тем самым вопрос этот, необходимо относящийся к языкознанию, может доставить некоторые данные и для того,

чтоб объяснить самое развитие русского национального характера. Во-вторых, более или менее тесные связи с соседними народами и знание их языков должны были бы иметь влияние и на литературную деятельность наших предков. Но тем самым исследование языкознания вступает в прямую связь с переводными памятниками словесности, которых так много было в древней Руси. В-третьих, изучение состояния языкознания той поры представляет некоторый интерес с точки зрения выяснения роли, которую играло знание иностранных языков нашими предками в их сношениях с другими народами.

В отличие от Сухомлинова Чернышевский считает влияние практического знания иностранных языков на развитие образованности народа незначительным, особенно если оно ограничивается или одною только местностью, или немногими отдельными лицами. Такое влияние является частностью, исчезающей в общем процессе развития языка.

Конечно, разноязычные, но близкие соседи постоянно перенимают друг у друга язык, но только под условием соседства и в местах соседства. Подобные примеры, говорится в рецензии, можно и теперь найти во множестве в некоторых губерниях смешанного народонаселения, где русские выучиваются татарски, по-зырянски, по-чувашски и т. д. Но всё это факты, подчеркивает Чернышевский, мелкие, уединенные, которые не говорят ни за, ни против народного языкознания. Если в одном краю знали такие языки, то в другом они были совершенно неизвестны. Сам же народный язык продолжал и продолжает развиваться по присущим ему внутренним законам.

Влияние практического знакомства русских с иностранными языками только в том случае могло быть действительно значительно, писал Чернышевский, если «чужой народ, которому язык принадлежит, был в состоянии по качествам своей политической и умственной жизни иметь влияние существенно важное и полезное... Но, за исключением Византии, этого условия всего чаще недоставало в сношениях наших предков с их соседями: на севере, востоке и юго-востоке, они окружены были народами, стоявшими ниже русских по образованию» (стр. 17).

Каким путем народ, стоящий выше по образованию и культуре, мог осуществлять свое влияние на народы, стоящие ниже его по образованию и культуре? Здесь, говорит Чернышевский, «всего более заслуживает внимания связь языкознания с переводной литературой, потому что в сущности знание чужих языков делается заметным двигателем в народном образовании только тогда, когда может посредством переводов сообщить народу произведения других литератур» (стр. 17—18). С этой точки зрения, по мнению Чернышевского, наша старинная литература очень небогата переводами, например, с немецкого, и вовсе не имеет переводов с испанского, итальянского, французского, английского. Знание этих языков, если оно и встречается в старину, имело важность только в очень ограниченном кругу и потому не оставило следов в литературе и в общем сознании народа.

Для решения вопроса о состоянии языкознания в древней Руси необходимо, говорит Чернышевский, исследование азбукоников. В этих старинных опытах объяснительного словаря заключено много данных для вопроса о языкознании, ибо азбуконники — это сводка того, что читалось нашими предками. Из них видно, какие слова иностранных языков и какими путями входили в нашу литературу, какие языки были известны нашим предкам.

Чернышевский полагает, что, сравнительно с другими, наибольшее влияние на развитие русской литературы в древний период оказали и славянские литературы, болгарская и сербская, позже, в XVI и в XVII столетиях, польская; отчасти была известна и чешская. Влияние первых двух очень ясно доказывается множеством сербских и болгарских рукописей, которые были в ходу на Руси, и множеством русских произведений, которые стали русскими через постоянное переделывание языка сербского или болгарского подлинника. В своем первоначальном виде рукописи сербской и болгарской редакции могли быть понятны вполне только тому, кто близко был знаком с этими наречиями, и только впоследствии они настолько потеряли свои прежние черты, что стали доступны всякому. Знакомство с болгарскими и сербскими памятниками есть «замечательный факт в языкознании наших предков». Наряду с этими литературами и языками в XVI и XVII вв. большое значение для развития русской образованности имела польская литература и польский язык, что подтверждается многочисленными памятниками польской переводной литературы и широким распространением латинского языка в русских училищах.

В заключение своей рецензии Чернышевский останавливается на вопросе о значении русского языка в старину как органа литературы. Он обращает внимание на несовпадение простонародного языка с литературным языком того времени. Литературный язык не всегда был общедоступным, в древней русской литературе обращалось очень большое число сочинений, переведенных с греческого и переведенных часто буквально и притом не русскими переводчиками; нельзя отвергать и того, что русские писатели, особенно в последнее время, нередко гонялись за фразой из подражательности и писали языком темным и далеко не общедоступным. Недоступностью для всех тогдашнего литературного языка была вызвана и потребность в азбуковниках, обширное распространение которых в рукописях несомненно доказывает, что они действительно нужны были для читателей.

Изложенные положения рецензии Чернышевского на статью Сухомлинова «О языкознании в древней России» далеко не потеряли своей актуальности и в настоящее время, когда советские лингвисты, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, исследуют внутренние закономерности развития великого русского языка и его взаимоотношения в процессе развития с языками других народов.

Обзоры и рецензии из журналов «Отечественные записки» и «Современник» за 1854—1861 гг. характеризуют Чернышевского как выдающегося литературного критика-новатора, продолжателя традиций Белинского, неустанного пропагандиста революционно-демократической эстетики критического реализма. Чернышевский постоянно указывал на огромное значение эстетики для плодотворного развития литературы и искусства. Для историка литературы, литературного критика, а равно и литератора эстетика так же необходима, как астроному необходимы глаза. Литераторы, историки и критики литературы должны очень хорошо знать сущность и законы искусства и художественной красоты, иметь верный и хорошо развитый художественный вкус.

В обзорах русской журналистики, в ряде рецензий и в особенности в рецензии на книгу А. Данского «Правила русской словесности», публикуемых в настоящем томе, Чернышевский подробно рассматривает один из важнейших

вопросов эстетики — вопрос о соотношении формы и содержания в художественном произведении. В рецензии на книгу Данского отмечается, что в русской литературе 50-х гг. продолжает процветать сущность старой, раскритикованной и осмеянной Белинским риторике — «предпочтение формы содержанию, чрезмерное уважение к «хорошему слогу» или к «прекрасному языку». И Чернышевский ополчается прогив этого тезиса, являющегося одним из красугольных камней идеалистической эстетики. Он обращает внимание прежде всего на то обстоятельство, что отсталые русские историки литературы и литературные критики переняли концепцию формализма в искусстве из книг и статей французских реакционных литературных критиков, превозносивших значение слога (формы) в художественном произведении. Французские критики «так слабы в этом пункте, что не могут ни об одном из своих писателей сказать двух слов, не прибавив целой страницы восторгов о том, что он «пишет прекрасным французским языком, истинным языком наших великих учителей, Корнеля, Расина, Мольера и прочих», или целой страницы сожалений о том, что «он пишет неправильным или тяжелым французским языком» (стр. 269).

Главная причина преклонения французской критики перед формой в искусстве заключается, по мнению Чернышевского, в том, что лучшие люди Франции того времени увлекались политикой, политической экономией, естественными науками, а литературная критика досталась на долю тех, у кого недоставало ума, души или добросовестной усидчивости, чтобы сделаться натуралистами, законооведами или ораторами. С другой стороны, «Вся беллетристическая литература во Франции сделалась поприщем действия людей одного и того же сорта, людей, у которых в голове нет ничего, кроме общих мест, в душе нет «ни сильной злобы, ни любви», которые «к добру и злу постыдно равнодушны» (там же).

Содержание произведений французской художественной литературы 50-х гг. сводится, главным образом, к взаимоотношениям наивной и кокетливой красавицы, богатого, но немилрого жениха, милого, но небогатого юноши и прочих подобных лиц. При таком содержании писатели действительно только в одном слоге и могут различаться. Чернышевский развенчивает версию буржуазных эстетов о том, что слог будто бы делает великих писателей великими, что только он и доставляет нам наслаждение. Чернышевский убедительно показывает, что все действительно великие французские писатели держались совершенно противоположной точки зрения, что они вместе с Гете говорили: прежде всего думай о том, что сказать, а не о том, как сказать.

Чернышевский показывает, что французские литературные критики, во главе с Жюль-Жаненом проповедовавшие формализм в искусстве, не были оригинальны. «Ныне во Франции время возвращения к XVII веку; все там, начиная с костюмов до образа понятий, заимствуется из эпохи Людовика XIV; из пиитики Буало почерпнуты и понятия о том, что слог — существенное в литературном произведении» (там же). В свою очередь Буало и другие французские эстетики XVII века были рабскими учениками Горация, весь свой век механически, бессмысленно подражавшего греческим поэтам.

Глубоко, остро раскрывает Чернышевский вредные последствия формализма для литературы. Формализм ведет к опустошению идейного содержания

художественных произведений. «...Какого содержания будете вы ждать от писателя, который не думает о содержании? ...у кого в мыслях всё красота слога и языка, слова, периоды, метафоры и антитезы, тот поневоле забудет о содержании» (стр. 272). Более того, заботясь прежде всего о слоге, писатель будет заботиться приискивать и содержание пустое, ничтожное, которое не заслоняло бы собой слога, или эффектное, вычурное, которое допускало бы больше риторических красот. В этих случаях содержанию предназначено выполнять лишь роль либретто для музыки-слога.

Чернышевский отвергает клевету буржуазных эстетов, что будто бы материалистическая эстетика отрицает необходимость хорошего слога, художественно совершенной формы. Материалистическая эстетика не против хорошего слога, она всегда выступала против небрежности в слоге. Но она считает, что затруднения писателя в подборе выражений мысли свидетельствуют прежде всего о том, что он не совсем справился с мыслью, с идеей. «Что неясно представляешь, то неясно и выскажешь; неточность и запутанность выражений свидетельствует только о запутанности мыслей... Правда, бывают такие писатели, которым еще надобно исправлять свои выражения в грамматическом отношении... но до этих писателей еще нет дела ни эстетике, ни критике, ни публике; ход подвигов, который предстоит им совершить, относится к педагогике» (стр. 273).

Чтобы одушевить рассказ содержанием, нужны и наблюдательность, и опытность, и более всего талант. Но часто все эти качества еще будут бессильны или поведут на фальшивую дорогу, если им не поможет размышление. Стихотворение Лермонтова «Три пальмы» прекрасно не только потому, что оно очень хорошо написано, но еще больше потому, что смысл его благороден и трогателен. Чернышевский в примечаниях к «Грамматике» вкладывает прямой революционный смысл в данное стихотворение любимого им писателя. «Смерти не избежит никто. Так не лучше ли умереть для пользы людей, нежели бесполезно? Не надобно ли, жалея о прекрасных пальмах, с тем вместе [признать], что смерть их была лучшею, прекраснейшею минутою всей их жизни, потому что они умерли для спасения людей от холода и хищных зверей? И разве люди, для блага которых погибли они, не будут вспоминать о них с благодарностью? Да, когда хорошенько подумаешь обо всем этом, невольно скажешь: хороша жизнь, но самое лучшее счастье, — не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей!» (стр. 324).

С гордостью за передовую русскую литературу Чернышевский отмечал, что наряду с высокой идейностью лучших произведений, важным эстетическим достоинством ее является сжатость рассказа: «к чести русской литературы надобно сказать (этого требует строгая справедливость), — писал Чернышевский, — что для наших писателей достоинство произведения выше всех других соображений и что ни один из них не поколебался бы пожертвовать половиною объема своей повести, лишь бы только другая половина выиграла от этого в достоинстве. Нет, мелочные соображения очень мало имеют влияния на характер нашей беллетристики» (стр. 275—276).

В передовой русской литературе Чернышевский прежде всего отмечает ее правдивость. По оценке Чернышевского, старинный помещик екатерининского времени, описываемый в «Семейной хронике» Аксакова, стоит перед нами как живой; благодатная природа Оренбургского края чувствуется

в каждом слове писателя. Но рассказ Аксакова «преимущественно хорош тем, что в нем много правды. Правда эта чувствуется на каждой странице; ни одной краски не переложит автор при описании природы и лучше умолчит о чем-нибудь, нежели *присочинит*; правда эта видна и при изображении характера, в котором добро и зло так переплелись, что в них видишь живого, а не сочиненного человека; правда эта видна и в умении давать словам истинное их значение и избегать всякого набора слов, наводняющего речь большей части наших писателей...» (стр. 32). Чернышевский требует от искусства правдивого художественного изображения жизни, а от людей искусства — тщательного изучения этой жизни, ее конфликтов и противоречий. Нужно показывать живого, а не сочиненного человека, учит Чернышевский.

Произведения XVI тома ярко свидетельствуют, как много размышлял Чернышевский и над вопросом о путях развития и судьбах русской литературы. И всегда рядом с русской литературой он ставил родину, народ, публику, читателей, помня при этом, что так же поступал и его великий учитель В. Г. Белинский. Чернышевский считал, что развитие русской литературы зависит всего более от публики. «Мы не будем говорить, как, бывало, говорили прежде, — писал он в 1854 году, — что публика пренебрегает русскими книгами, предпочитая им иностранные: нет, теперь русская книга уважается русским читателем, если не более, то и не менее иностранной; кто читает, на тех не вправе жаловаться русская литература; но публика русская все еще слишком малочисленна; так малочисленна, что как незаметная капля потопает в огромной массе людей, у которых чтение не обратилось в настоящую потребность; а где нет настоящего требования, чего тут ожидать? Но не всегда же это будет продолжаться; сотни людей, жаждавших чтения двадцать лет тому назад, давно размножились в тысячи; еще несколько лет, и в русской публике будут считаться не тысячами, а десятками тысяч читатели, для которых умная и живая книга — настоящая потребность, и тогда, будьте уверены, русская литература не замедлит развернуться, потому что в ней нет недостатка в силах... потому что литература сильна непреодолимым сочувствием публики» (стр. 284—285). Эти сокровенные надежды талантливейшего учителя русской литературы сбылись. При постоянной поддержке со стороны русского революционного освободительного движения, со стороны народа, передовая русская литература в XIX веке стала могучим оружием освободительной борьбы против старого строя.

Одним из важнейших принципов и условий успеха русской литературы Чернышевский считал принцип дружбы народов, принцип уважения передовой русской литературы к прогрессивным направлениям культуры других народов. В томе публикуется «Коллективное письмо к помещику В. Э. Флиорковскому» — владельцу родственников Т. Г. Шевченко об освобождении этих родственников вместе с их детьми от крепостной зависимости. Это письмо подписано и Чернышевским, принимавшим активное участие в хлопотах по освобождению братьев и сестер Шевченко. В данном письме говорится, что Шевченко является уважаемым, любимым и известным всей России поэтом.

С большим уважением относился Чернышевский к освободительному движению и культуре народов Востока. В настоящем томе, в Dubia опубликована рецензия на книгу «Кёр-оглу, восточный поэт-наездник», вышедшую

в Тифлисе в 1856 году. Автор рецензии разоблачает попытки буржуазной историографии утвердить в сознании народа образ Кёр-оглу, как образ разбойника, и восстанавливает действительный образ этого замечательного героя национального азербайджанского эпоса второй половины XVII столетия. По характеристике рецензента, славу Кёр-оглу составили не «счастливые разбои» его на торговых путях, ведущих из Персии в Турцию, как об этом широко рекламировали буржуазные историографы, а его «поэтические импровизации, которые рано перешли в массу народа и доселе неизменно сохраняются в устах кёр-оглу-ханов, то есть певцов, прославляющих Кёр-оглу». В рецензии подчеркивается, что татарские племена с особенной любовью сберегают предания об его жизни, ибо «Кёр-оглу их национальный герой и вместе с тем их национальный поэт».

Рецензент полагает, что сказания Кёр-оглу по своим художественным достоинствам могут быть сравнены с гениальным произведением таджикского поэта Фирдоуси «Шах-Наме».

Чернышевский с сожалением отмечал, что в нашей литературе очень мало известны в переводах произведения восточной поэзии, и потому радовался появлению каждой новой книги о народах Востока. Он досадовал, что в книге Нейкирха «Dichterkanon» (Собрание поэтов), вышедшей в 1853 году, оказались пропущенными талантливейшие произведения литературы и поэзии народов Востока, в частности очень обширная китайская драматическая литература и религиозные книги — Веды, Зенд-Авеста, которые должны быть рассматриваемы как древнейшие памятники народной поэзии.

Таковы некоторые идеи Чернышевского в области языкознания, эстетики и литературной критики. Чернышевский отстаивал и развивал их во всех своих последующих работах. Они сыграли свою организующую и мобилизующую роль в прогрессивном развитии русской литературы. Они не утратили своей актуальности и в наше время для дальнейшего развития самой идейной и прогрессивной литературы в мире — советской литературы.

В произведениях Н. Г. Чернышевского, включенных в настоящий том, широко освещаются вопросы науки и, в частности, естествознания. В своих обзорах великий русский мыслитель информировал русских читателей о ходе развития естественных наук в различных странах, а также о важнейших открытиях и изобретениях в области промышленности, сельского хозяйства и транспорта. В связи с выходом в 1854 году в свет журнала «Вестник естественных наук», издававшегося Московским обществом испытателей природы, Чернышевский с гордостью отметил огромный интерес к естествознанию в русской публике. Он дал высокую оценку оригинальным статьям журнала, в особенности статьям К. Ф. Рулье, Н. А. Северцова и других русских ученых.

Публикуемые в томе обзора позволяют сделать вывод, что Чернышевский был в курсе многих важных открытий естествознания своего времени.

Особо важное значение имеют впервые опубликованные в настоящем томе произведения Чернышевского, посвященные критическому разбору учения Дарвина. Сюда относятся вариант статьи «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», незаконченные статьи «Ответ критику статьи «Про-

исхождение теории благотворности борьбы за жизнь», «Сочетание оптимизма и пессимизма в зоологии» и «О первоначальных формах полового сожителства». Все они написаны Чернышевским в 80-е гг.

Уже из опубликованных в предыдущих томах произведений читатель знает, что Чернышевский проявлял в 70—80-е гг. XIX века громадный интерес к учению Дарвина. Характеристике учения Дарвина посвящен ряд писем Чернышевского к сыновьям из Сибири. В 1888 году он опубликовал в сентябрьской книжке московского журнала «Русская мысль» статью «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» за подписью «Старый трансформист» (подписываться своим именем ему было запрещено). Статья подверглась критике в народническом журнале «Русское богатство», что и побудило Чернышевского написать названный выше «Ответ критику статьи «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь».

Каково существенное содержание критики Чернышевским дарвинизма?

Чернышевский строго различает две стороны в учении Дарвина. Он дает весьма высокую оценку той части теории Дарвина, которая была направлена против догмы о неизменности видов. «Эта сторона теории Дарвина, — писал Чернышевский, — называется трансформизмом. Она теперь уж давно признана всеми натуралистами за несомненную истину» (стр. 479). Правда, эволюционная теория, или теория трансформизма, продолжает Чернышевский, была разработана учеными, и в особенности Ламарком, до Дарвина. Но Дарвин представил настолько большой фактический материал, ярко и всесторонне демонстрирующий верность эволюционной теории, что после него довольно скоро обнаружилась невозможность защищать теорию неизменности видов. Разгром метафизической концепции неизменности форм органической жизни великий русский мыслитель считал большой победой материалистического естествознания.

Другую часть теории Дарвина, по мнению Чернышевского, составляет учение о том, чем должно объяснять изменение видов. Главной из сил, производящих изменения органических форм, Дарвин считает естественный отбор. Всем другим причинам изменений он отводит незначительную роль, сравнительно с действием естественного отбора. «Эта часть теории Дарвина принадлежит собственно ему и получила название дарвинизма» (там же).

Исторически сложилось так, указывает Чернышевский, что в 50—60-е гг. XIX века, когда шел ожесточенный спор о происхождении видов, подавляющее большинство натуралистов не задумывались над тем, насколько логична связь учения Дарвина о происхождении видов от общих предков с объяснением изменений видов почти исключительно действием естественного отбора. Сторонники трансформизма вообще принимали вместе с ним и дарвинизм. Правда, отмечает Чернышевский, с самого начала некоторые натуралисты, заявлявшие себя сторонниками трансформизма, отвергали решающую роль естественного отбора, заменяли это объяснение трансформизма каким-нибудь другим. Но их мнения тогда не были приняты во внимание. Масса специалистов и публики, изучая трансформизм по трактату Дарвина, продолжала считать мысль о естественном отборе, как главной причине изменения форм, необходимым дополнением мысли о видоизменении форм, продолжала отождествлять теорию эволюции в целом с дарвинизмом. «Теперь, — говорится в статье

Чернышевского, — спор о трансформизме давно кончился; масса натуралистов получила свободу мысли для анализа связи дарвинизма с трансформизмом, нашла, что эта связь плоха; и, кажется, уж можно теперь сказать, что натуралисты, остающиеся дарвинистами, уж кажутся большинству своих товарищей по занятиям людьми отсталыми» (стр. 479).

По глубокому убеждению Чернышевского, теория благотворности борьбы за жизнь принадлежит не трансформизму, а только дарвинизму. Он полагает, что для науки в целом было чрезвычайно большим несчастьем то, что Дарвин, оказавший большое влияние на развитие биологической науки, обосновывал свою теорию, не ознакомившись с учением Ламарка. А между тем те причины изменений органических форм, которые указаны Ламарком, подчеркивает Чернышевский, неоспоримо имеют очень большое действительное значение в деле перемен органических форм.

В публикуемом в настоящем томе варианте статьи «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» Чернышевский подробно излагает сущность основных положений теории Ламарка. Он обстоятельно анализирует тезис Ламарка о том, какую важную роль в совершенствовании организмов играют окружающая обстановка, условия внешней среды. Развитие организма, указывал Чернышевский, имеет свои границы, определяемые отчасти условиями, в которых растет он, отчасти его собственными качествами. Разные виды организмов — продукты процессов, происходивших при разных условиях, потому и качества их неодинаковы. Ламарк полагал, что при разнообразии условий, под влиянием которых происходит формирование различных видов органических существ, могут быть многочисленные и значительные отклонения, ибо все химические и физические законы разнообразием своих сочетаний видоизменяют жизнь организмов. Под влиянием условий внешней среды происходит изменение биологических видов, образование новых видов и их приспособлений к окружающей обстановке.

Ошибка Дарвина, по мнению Чернышевского, состояла в том, что при создании своей теории он не был на уровне достижений предшествующего и современного ему естествознания, не знал главных положений теории Ламарка и не сумел собственными соображениями дойти до понимания того закона органической природы, которому Ламарк приписывал совершенствование организмов. Дарвин только упоминает о зависимости организма от среды и о том, что орган развивается в результате деятельности и атрофируется при бездействии. Считая очень слабым, почти совершенно ничтожным влияние среды на организм, он до самого конца своей жизни оставял без должного внимания и влияние деятельности или бездействия органов на развитие организма.

Как свидетельствует содержание варианта статьи «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», Чернышевский, высоко оценивавший заслуги Ламарка, видел историческую и научную ограниченность ламаркизма. Он считал, что теми законами органической жизни, которым Ламарк приписывает главное участие в видоизменении форм, не охватывается вся истина. «Особенно важен тот пробел в его (Ламарка. — В. Е.) теории, что он не оценил громадной важности уклонений от нормы в процессе формирования зародыша». Это влияние выставил на первый план натуралист Этьен Жоффруа Сент-Илер, ровесник Кювье и сильнейший противник его теории неизменности видов. Но

Дарвином не были приняты во внимание и эти новые положения биологической науки, развивавшие дальше эволюционную теорию.

В своих статьях о дарвинизме Чернышевский выступает как последовательный и горячий сторонник эволюционной теории. Критикуя дарвинизм, он восставал не против принципа эволюции вообще, а против дарвиновского объяснения основных причин эволюции, против дарвиновского тезиса борьбы за жизнь как главного фактора прогрессивного развития растительных и животных организмов. Протестуя против такого объяснения, Чернышевский показал, как Дарвин выхватил это объяснение из политико-экономического трактата английского попа Мальтуса, защищавшего интересы эксплуататорских классов, пытавшегося изобразить бедствия трудящихся при капитализме, как неотвратимое явление стихийных сил природы, как проявление неразумной природы человека в деле размножения.

«Он (Мальтус. — В. Е.), — писал Чернышевский, — желает показать причину бедствий, которым подвергаются люди, когда держат себя в деле размножения, как существа, называемые неразумными, и выводит из указанной им причины бедствий заключение, что они неустранимы, пока люди будут держать себя в деле размножения, как неразумные животные» (стр. 485—486).

Дарвин, по своей политической ограниченности, не заметил реакционного, направленного против народных масс, политического смысла рассуждений Мальтуса, взял их за основу своей теории. Он провозгласил борьбу за жизнь главным элементом прогресса, из всех форм борьбы выделил соперничество, особенно внутривидовое, как такую форму, которая объясняет наибольшее количество прогрессивных изменений. Иными словами, Дарвин, опираясь на человеконенавистническую теорию Мальтуса, сформулировал тезис о том, что прогресс в живой природе немислим без бедствий, голода и гибели живых организмов. На случай резонных возражений о том, что в природе нет преднамеренности, что развитие в ней происходит стихийно, независимо от сознания человека, Дарвин использовал, по саркастическому замечанию Чернышевского, «лоскут» из арсенала идеалистической философии, которым он и прикрыл от нападения свои утверждения о борьбе за жизнь и соперничестве.

«Знайте же, неблагоприятный возражатель, что все на свете устроено наилучшим образом и каждое происходящее на земном шаре явление имеет результаты, благотворные для всего существующего на земле или в воде, или, по примеру крота и дождевого червя, под землей, что именно затем и происходит всякое явление, чтобы произвести благотворные результаты. Это вообще, по всей природе, начиная с вечных полярных льдов до вершины огнедышащего Попокатепетля (вулкан в Мексике. — *Ред.*) и от землетрясений до миазмов болот, а в частности знайте о каждом живом существе, что оно имеет организацию, самую удовлетворительную для доставления ему наибольшего возможного счастья и наибольшей возможной пользы всем другим существам» (стр. 493—494).

Такая теория прогресса, по глубокому убеждению Чернышевского, разоружала человечество в борьбе с природой, а равно и в борьбе за лучшее общественное устройство. Все в природе хорошо устроено. Подобно природе, все хорошо устроено и в человеческом обществе. Если и есть в нем бедствия людей, например, от голода, войн, эпидемий и т. д., то все это неизбежные и естественные проявления борьбы за существование, вечные спутники обще-

ственного бытия. Отсюда вывод: борьба трудящихся масс за лучшую жизнь бесполезна, рассудительные политики не должны предпринимать напрасных и бесполезных попыток революционной ломки общественных отношений.

Небезынтересно заметить, что Энгельс также считал дарвиновский способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого закона природы. «Взаимодействие тел — как мертвой, так и живой природы, — писал Энгельс, — включает в себя как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе сводить все богатство и разнообразие исторического развития к односторонней и сухой формуле «борьба за существование», к формуле, которая даже в области природы может быть принята лишь весьма условно, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 305).

Как известно, в дальнейшем последователи эволюционной теории Дарвина внесли важные поправки в принцип естественного отбора, установив, что изменения видов растений и животных есть результат взаимодействия двух основных факторов: приспособления и наследственности, взаимодействия организма и среды.

Во всех своих статьях о дарвинизме Чернышевский решительно протестует против перенесения положений политической экономии, изучающей законы развития общества, в естествознание. «Способ построения законов природы на основании опыта о богатстве народов, написанного Адамом Смитом... — иронизирует Чернышевский, — заслуживает, конечно, великой похвалы. Идя дальше этим путем, легко будет разъяснить все вопросы астрономии, химии Юстиниановым кодексом или законами Двенадцати таблиц» (стр. 487). Если следовать этому способу, то, например, совершенно ясно, что леса растут соответственно законам, устанавливающим наказания за похищение чужой собственности; не будь этих законов, все они были бы вырублены еще в доисторические времена и пни деревьев давно сгнили бы.

Вместо применения к естествознанию смитовских «правил булавочного производства» и экономического соперничества, приводящих к догматизированию теории полезности внутривидовой борьбы в живой природе, Чернышевский, подобно Энгельсу, настойчиво требовал от естествоиспытателей глубокого, тщательного и всестороннего изучения развития организмов в связи с воздействием на них окружающих условий. Как известно, русская биологическая наука в лице Сеченова, Мечникова, Тимирязева следовала этим пророческим указаниям.

Освещая вопросы дарвинизма, великий русский революционный мыслитель мечтал о том, как труженики сельского хозяйства в будущем обществе, опираясь на закономерности развития живой природы, не только избавят прирученных ими животных от страданий голода и других бедствий, но и добьются выведения более совершенных пород животных, а равно и новых видов растений, нужных человеку. Эти мечты Чернышевского стали явью в наше время, в нашем социалистическом обществе, где советская биологическая наука прочно вошла в арсенал средств социалистического преобразования природы.

Известно, какое огромное внимание уделял Чернышевский вопросам политической экономии. В настоящем томе в «Dubia» публикуется рецензия на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». Время и научная общественность решат окончательно вопрос об авторе этой рецензии, но приведенные в примечаниях к данной работе доказательства (Н. М. Чернышевской и других) свидетельствуют, что действительным автором ее являлся Чернышевский, а не малоизвестный саратовский учитель Самоцветов. Содержание рецензии показывает, что автор ее — чрезвычайно сильный в теоретическом и революционном в политическом отношении критик, каким никогда не был Самоцветов.

Рецензент выступает прежде всего против славословия некоторых русских журналов по поводу книги Гильдебранда, как сочинения будто бы в высшей степени остроумного и поучительного. В действительности же, говорится в рецензии, «прочитавши его книгу, мы не встретили в ней ничего ни особенно поучительного, ни особенно нового» (стр. 656). В книге нет ни правильного критического взгляда на вещи, ни беспристрастия. Вся она, по мнению рецензента, заполнена пустым словоизвержением по адресу социалистов, в отношении которых Гильдебранд принимает на себя роль наставника.

В ответ на тираду Гильдебранда о том, что частная собственность является первым источником нравственной силы каждого человека, что она пробуждает в человеке любовь к родине, составляет основу семейства, является могущественнейшим двигателем развития человеческого духа и т. п., рецензент саркастически заметил: «Можно ли более несчастным образом полемизировать, и есть ли что-нибудь дельного в этой тираде, написанной по всем правилам российских реторик? Правда, как красноречие для красноречия, она может быть помещена в каких-нибудь семинарских учебниках за образец для распространения темы «собственность благотворна для человечества», но как серьезное рассуждение солидно мыслящего человека... она не стоит внимания» (стр. 657).

Автор рецензии стоит на социалистических позициях в отношении к расхваливаемой Гильдебрандом частной собственности. Рецензент решительно выступает против апологетики Гильдебрандом капиталистической цивилизации, «благодетельной», якобы оказанной человечеству и прежде всего рабочему классу изобретением машин и т. п. Вместо того чтобы писать подобного рода пустозвонные фразы, говорится в рецензии, следовало бы познакомиться лучше с действительной жизнью рабочего класса и «хладнокровнее вдуматься в то, как и самые благотворные открытия гения при аномальности существующих порядков могут делать зло большинству и вести совершенно к противоположным целям» (стр. 658). Технические и другие открытия человеческого гения только тогда обратятся на пользу трудящихся, «когда все классы общества будут в состоянии равномерно пользоваться благотворными открытиями гения, когда эти открытия станут служить действительно общему благу, а не частным целям богатых капиталистов, когда ложное положение, в каком находится ныне человечество, изменится и станет более соответствовать требованиям разума — а ведь так называемые утопические учения именно и стремятся к этой цели» (там же). Как мы видим, автор рецензии очень хорошо понимает и разоблачает эксплуататорскую сущность капиталистического применения машин и всех других открытий человеческого гения и вместе с тем

верит в наступление эпохи, «когда эти открытия станут служить действительно общему благу».

Гильдебранд без всяких доказательств пытался утверждать, что цели социалистов неисполнимы, что каждый социалист похож на Манилова. Но дело-то скорее в том, указывается в рецензии, что сам Гильдебранд отстал от современной мысли и слишком сильно привязался к рутинным понятиям реакционеров. «А известное дело, что человек, отстающий от чего-нибудь, непременно придумает и какую-нибудь благовидную причину своей отсталости: вообразит себе, что дальнейший шаг вперед невозможен, и уж не двинет ни рукой, ни ногой».

Задача людей действительной науки состоит в том, чтобы не отставать от жизни, смотреть вперед, а не назад, ибо лучшее будущее общества связано не с капитализмом, а с социализмом. Горячо защищая социализм, рецензент обнажает беспросветную метафизику своих противников в теоретико-познавательном подходе к явлениям действительности и, в частности, к историческим событиям. Метафизике и софистике апологетов капитализма он смело противопоставляет диалектику. Так, анализируя понятие «возможности», он настаивает на конкретно-историческом, то есть диалектическом подходе к вопросу. «Исполнимость или неисполнимость, возможность и невозможность, — говорится в рецензии, — понятия слишком неопределенные. Что для одного века невозможно и неисполнимо, то для другого совершенно исполнимо и возможно» (там же). Есть невозможность, заключающаяся в самой сущности вещей, невозможность абсолютная. Но бывает невозможность только относительная, заключающаяся в известных обстоятельствах и при перемене их делающаяся совершенно возможною. Свои замечательно глубокие диалектические рассуждения о понятиях «возможности» и «невозможности» осуществления каких-либо серьезных общественных преобразований рецензент иллюстрирует примерами из области осуществления технических открытий. «Чтоб люди приделали себе крылья и подлетали на них к луне, с целью помочь г. Страхову в решении вопроса, есть ли там жители, — мы считаем это невозможным и никогда не осуществимым, но в том предположении, что человечество достигнет когда-нибудь возможности управлять по своему желанию аэростатами и будет летать на них из Петербурга в Москву, не видим ничего невозможного, потому что ни в природе, ни в сущности человека не находится ничего такого, что б опровергало наше убеждение» (стр. 659).

Рецензент глубоко убежден в том, что неосуществимость социализма в его эпоху обусловлена обстоятельствами, имеющими временный характер, что наступит время, когда общественная жизнь изменится и социализм станет действительностью. Но для этого народы должны изменить настоящее, устранить то, что препятствует завоеванию счастливой жизни.

Рецензент считает, что социализм есть учение интернациональное, отвечающее требованиям разума и интересам трудящихся всех народов. То, что истинно человечно, истинно разумно, найдет себе симпатию во всех народах. Разум чернокожих и светлорусых людей, живущих под всеми широтами и долготами, работает в одном направлении. «Конечно, в американских степях живут другие люди, чем в русских деревнях, и на Сандвичевых островах обитают господа, не похожие на английских джентльменов; но ведь и русскому мужику и дикарю так же, как высокопочтенному римскому кардиналу, хочется,

думаем мы, есть, а затем, чтобы есть, хочется что-нибудь иметь. Стремление к улучшению своего положения составляет существенное свойство всего человечества» (стр. 660). Именно поэтому новые теории, возникнув в какой-либо стране, активно подхватываются передовыми образованными людьми во всех странах, входят в сознание народных масс всего мира. «Если бы людские дела шли нормально, — подчеркивается в рецензии, — то военное положение, в каком находится ныне европейский мир, давно бы прекратилось, и не понадобилось бы тогда обществу платить деньги за штыки и пушки» (там же). Автор рецензии указывает, что неисполнимость мечтаний «заключается вовсе не в сущности самых «мечтаний», а в том отпоре, какой дают им элементы, поставленные историей в благоприятное положение» (там же). Эксплуататорские классы и их ученые лакеи на протяжении столетий ведут отчаянную борьбу против стремлений трудящихся к улучшению своего положения, используя в этой борьбе все средства, в том числе штыки и пушки. Рецензент не мог открыто сказать, что для борьбы против эксплуататорских классов, недостаточны одни идейные средства борьбы, что силе надо противопоставить силу. Но этот вывод проницательный читатель мог сделать сам из всего содержания рецензии.

Гильдебранд ополчается против пропагандируемого социалистами принципа, согласно которому право пользования благами жизни должно определяться личными заслугами каждого, что тунеядцев не должно существовать на белом свете; ему не нравится требование об осуществлении подлинного равенства. И он пытается обвинить социалистов в том, что осуществление их целей неизбежно связано якобы с установлением новой тирании, которая поддерживала бы всегда господство социалистических отношений. Рецензент издевается над такого рода рассуждениями завравшегося не в меру противника социализма. Социализм, утверждает он, не только не подавит личность, но, наоборот, только при социализме осуществится гармония личности и общества, осуществится разумное подчинение интересов меньшинства интересам большинства.

Рецензент опровергает рассуждения Гильдебранда о неизбежности якобы тирании при социализме. Он горячо и убедительно доказывает, что социализм отвечает коренным интересам трудящихся, что все члены социалистического общества будут довольны своим положением и потому нет и не может быть никаких опасений, будто люди, из худшего состояния поставленные в лучшее, будут нуждаться в силе, которая насильно заставляла бы их оставаться в лучшем положении! «Нас скорее, — говорится в рецензии, — занимает другой вопрос: где берется сила поддерживать худой порядок вещей, как теперь сносят люди совершенное уничтожение своей личности? — Решение этого вопроса гораздо мудренее, чем предложенного Гильдебрандом» (стр. 662).

Рассуждения рецензента о том, что «здравый смысл будет основанием» устройства социалистического общества свидетельствуют об утопическом характере защищаемого им социализма. В рецензии не ставится вопрос о путях осуществления социализма, осуществление социализма не связывается с классовой борьбой пролетариата. Автор рецензии явно переоценивает роль «здорового смысла» в осуществлении прогрессивных общественных преобразований.

Разумеется, подчеркивает рецензент, осуществление социалистического идеала является громадным и трудным делом. Но «сидеть сложа руки потому

только, что дело, за которое надо приняться, слишком громадно, — это смешно и недобросовестно».

Рецензент призывает всю практическую деятельность всех живых сил общества, стремящихся к пересозданию общественной жизни на новых началах, связывать с великой целью социализма; иначе социализм превратится в бесплотную теорию, достойную потехи. Вместе с тем, передовые люди страны, по мнению рецензента, должны бороться за осуществление и не вполне совершенных улучшений действительности, за проведение реформ, улучшающих положение народных масс, а не фыркать по поводу этих реформ якобы «во имя высших идеалов».

В заключение рецензент рекомендует русским читателям книгу Гильдебранда «как недурное пособие для знакомства с разными политико-экономическими теориями» и просит их «не соблазняться только находящимися в ней собственными соображениями автора «Политической экономии настоящего и будущего».

Выступление журнала «Современник» с рецензией на книгу Гильдебранда достигло своей цели. В то время как экономические статьи «Современника» расходились и читались по всей России, книга Гильдебранда не имела успеха, не продавалась и не читалась, несмотря на хвалебные отзывы катковского «Русского вестника» и других реакционных журналов.

Небезынтересно заметить, что во вступительной части к работе Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», опубликованной в журнале «Современник» в конце 1861 года, еще раз подвергается уничтожающей критике книга Гильдебранда. Шелгунов считает ошибкой перевод книги Гильдебранда на русский язык. Он полагает, что «вместо того чтобы дать русским читателям картину европейского экономического быта, переводчик предложил публике меццанские рассуждения Гильдебранда, написанные им в 1848 году, и без всяких дополнений и объяснений с своей стороны, как будто бы следующие тринадцать лет прошли совершенно бесследно для науки, как будто бы слово Гильдебранда было последним и наука остановилась на 1848 годе. Право, русские читатели заслуживают большего уважения».

Ошибка перевода состоит, по мнению Шелгунова, в том, что русским читателям предлагают «голословные рассуждения людей одной партии и их нападки на людей другого взгляда на вещи, людей во всех отношениях далеко выше их, в то же время скрывают намеренно, что говорят эти последние. Читателю не хотят дать права составить собственное заключение, судить своим умом».

В работе Шелгунова далее говорится, что «в числе писателей, на которых нападает Гильдебранд, есть и Энгельс, один из лучших и благороднейших немцев. Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего. Разница между Гильдебрандом и Энгельсом в том, что Энгельс называет худое худым и не хочет этого худого; а Гильдебранд, напротив, находит, что дурное не только дурно, но что оно так и должно быть. Уж не поэтому ли перевод Гильдебранда так и понадобился у нас?» (Н. В. Шелгунов, Сочинения, 2-е изд., том II, 1895, стр. 1).

Приведенные положения из рецензии на книгу Гильдебранда говорят о том, что ее автор был выдающимся социалистом, непримиримым противником не только крепостнического, но и буржуазного строя, последовательным

защитником интересов труда против капитала, вдохновителем освободительной борьбы трудящихся против всех и всяких эксплуататоров и их властей. Глубокая вера в победу социализма проникает каждую строчку названной рецензии.

История подтвердила многие из предвидений Чернышевского. Под руководством коммунистической партии и ее великих вождей Ленина и Сталина наша родина превратилась в цветущее социалистическое государство, идущее ныне к вершинам коммунизма. Успешно идут к социализму другие народы. От победы социализма над капитализмом будет зависеть и окончательное избавление человечества от грабительских войн, о чем так страстно мечтал великий предшественник марксизма в России, воспитатель подлинных революционеров, вдохновитель освободительного движения в России середины прошлого столетия — Н. Г. Чернышевский.

Исключительный интерес представляют мысли и замечания Чернышевского, изложенные им в произведениях настоящего тома, по вопросам истории и социологии.

Как и в других своих работах, опубликованных в предыдущих томах сочинений, Чернышевский выступает здесь как противник теории норманнского происхождения Руси. Опираясь на материалы монографии историка Соловьева «Герард Фридрих Мюллер», Чернышевский сообщает читателям конкретные обстоятельства, связанные с произнесением Мюллером в 1794 году латинской речи «О происхождении народа и имени руссов», в которой утверждалось скандинавское происхождение Руси, и показывает роль в исторической науке Ломоносова, доказавшего научную несостоятельность «норманнской» теории происхождения русского государства.

Опираясь на исследования выдающегося чешского историка и филолога славянских языков Шафарика, Чернышевский решительно выступил против утверждения филолога-славяноведа Гильфердинга о том, что будто бы славяне не европейцы.

Чернышевский разоблачил и другое бездоказательное утверждение Гильфердинга о том, что будто бы славяне во время монгольского нашествия на Европу проявляли сочувствие к Аттиле. Что славяне участвовали в войсках Аттилы, писал Чернышевский, это факт; «но они сделались воинами Аттилы, конечно, только по той же причине, как и немцы: они были побеждены и принуждены повиноваться победителю. Что славяне не питали никакого сочувствия к гуннской державе, свидетельствует (кроме естественной нелюбви к свирепым иноплеменным грабителям) уж то, что после смерти Аттилы государство его тотчас распалось по той причине, как мы положительно знаем, что все покоренные племена, немецкие и славянские, совершенно одинаково воспользовались первым замешательством свирепых пришельцев, чтоб сбросить с себя ненавистное иго» (стр. 49).

Значительный интерес представляет выступление Чернышевского в защиту взглядов А. С. Пушкина по вопросу об отношении донского казачества к пугачевскому движению.

В связи со статьей некоего Сенюткина («Современник» № 8 за 1854 год), выступившего против утверждения Пушкина в «Истории пугачевского бунта», будто бы Пугачев находил себе много сподвижников между казаками, Черны-

шевский подтвердил правильность утверждения Пушкина, что простые казаки и урядники из войска Донского присоединялись к отрядам Пугачева, что верными присяге оставались лишь наказной атаман и полковники Донского войска. Он порекомендовал автору воздержаться от громких похвал старшинам войска Донского.

Последние годы своей жизни Чернышевский работал над переводами многотомной «Всеобщей истории» немецкого историка Вебера. Как это видно из его письма от 10 ноября 1885 года к А. В. Захарьину, он предполагал под видом перевода дать самостоятельный научный труд по всеобщей истории. Этот замысел оказался неосуществимым, но Чернышевскому удалось присоединить к переводу труда Вебера ряд своих статей. Часть из них уже опубликована в X томе сочинений Чернышевского, например «О классификации людей по языку», «О различиях между народами по национальному характеру», и др. В настоящем томе печатается незаконченная статья Чернышевского «Об общем ходе завоевания дикими племенами цивилизованных государств», являющаяся, повидимому, составной частью предполагавшихся Чернышевским «Очерков научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории». В данной статье Чернышевский развенчивает реакционную концепцию буржуазной историографии о молодых и старых народах. Согласно этой расистской концепции дикие племена, покорившие в свое время десятки цивилизованных государств, принадлежали к народам молодым, а цивилизованные народы покоренных государств, половину населения которых они перерезали, а другую поработили, — к народам одряхлевшим. Древние римляне якобы истощили свои силы, были народом уже отжившим и только сожительство варваров-победителей с римскими женщинами обновило их силы примесью молодой крови. Чернышевский выступает с решительным опровержением этой реакционной концепции. Основные положения критики Чернышевским этой расистской теории сводятся к следующему.

Он, прежде всего, считает неправомерным, фальшивым само понятие «молодой народ». Что такое молодой народ? Каждый человек, не умерший преждевременно, бывает сначала молодым, потом пожилым, а потом, если доживет до глубокой старости, то и дряхлым. Но это факты индивидуальной жизни. Каждое племя, пока существует, состоит из людей всякого возраста, от новорожденных младенцев до дряхлых стариков и старух. Сколько молодых сил было в нем раньше, столько есть сейчас, столько останется и в будущем, если это племя не будет перерезано «цивилизованными» врагами: и дряхлости нет теперь и никогда не будет в нем больше того, сколько было при первом упоминании о нем в летописях.

Уподоблять народ, заключает Чернышевский, отдельному человеку — это значит заменять лес одним деревом, луг — одной былинкой травы, с чем не могут согласиться люди действительной науки.

Чернышевский считает не выдерживающим никакой критики и другое утверждение расистских историков, что будто бы обширные государства создаются завоеваниями, что только под влиянием силы военной власти исчезают племенные различия и из мелких племен создается большая нация. «Так ли это», — спрашивает Чернышевский, — и отвечает: «В большей части случаев ничего подобного не бывает; те силы, которыми сглаживаются племенные различия, принадлежат разряду иному, чем истребление людей и порабощение их»

(стр. 515). Историческими примерами существования великих государств, основанных завоеваниями, например, Кира или Александра Македонского, Чернышевский доказывает, что они не способствовали, а, наоборот, препятствовали созданию национальных культур, слиянию национальных языков и не привели к образованию единых наций. Он отмечает исключительную устойчивость языков угнетенных племен и народов, вопреки попыткам насильственной их ассимиляции со стороны победителей. Чернышевский осуждает захватнические войны, угнетение одних народов другими народами и считает непрочными и неустойчивыми государства, основанные на завоеваниях и насильственном удержании в рамках данных государств народов, не желающих в них оставаться. Созданию сильных, устойчивых многонациональных государств, по глубокому убеждению Чернышевского, способствует мирное развитие, а не война, дружба народов, а не их угнетение. Эти замечательные мысли великого русского революционного мыслителя приобретают особую актуальность в наше время, когда возглавляемый Советским Союзом лагерь мира, демократии и социализма неутомимо и последовательно борется против порабощения народов американскими, английскими и иными империалистами.

В приложениях к тому публикуются замечания Чернышевского на книгу Бокля «История цивилизации в Англии». Бокль является одним из крупнейших представителей географического направления в буржуазной социологии. Опираясь на достижения бурно развивавшегося в первой половине XIX века естествознания и его методологию, а также на результаты и выводы буржуазной политической экономии, Бокль дал в руки буржуазии сильное оружие против феодализма и церкви, являвшейся тогда служанкой феодального государства. Вместе с тем на социологии Бокля лежит печать страха буржуазных классов Европы за свою судьбу, порожденного революционными событиями 1848 года в Европе. Социология Бокля имела своей целью укрепление буржуазного господства и буржуазной цивилизации, образцом которой он считал английскую цивилизацию.

Великие русские революционные демократы проявляли большой интерес к Боклю. Как видно из публикуемых заметок, Чернышевский собирался написать большую статью о книге Бокля, но осуществиться этому намерению помешал, возможно, его арест в 1862 году.

Как известно, Бокль полагал, что главная роль в возникновении и развитии цивилизации принадлежит четырем физическим факторам: климату, пище, почве и общему характеру природы. Он считал, что главное влияние на возникновение и развитие цивилизации в древнем внеевропейском мире, на накопление материальных богатств в странах этой части мира оказало плодородие почвы. В Европе возникновению и развитию цивилизации способствовала другая важная причина, а именно — климат, благоприятствовавший более успешному труду.

По мнению Бокля, на заре цивилизации добытое тем или иным путем богатство распределяется между трудящимися и нетрудящимися, из которых первые многочисленнее, вторые способнее. Трудящиеся производят богатства, нетрудящиеся направляют и организуют физические силы трудящегося класса и таким образом накапливают богатства. Бокль полагал, что размер доли богатства, получаемой трудящимися за свой труд, изменяется сообразно с переменами на рынке труда: если предложение работников превышает требование

рынка, то задельная плата падает; если же требование рынка на рабочую силу превышает предложение — плата за труд возвышается. В конечном итоге, по утверждению Бокля, вопрос о задельной плате сводится к вопросу о народонаселении. Но от чего зависит народонаселение? Оно зависит прежде всего и главным образом от количества пищи. В тех странах, где пища народа дешева и находится в изобилии, народонаселение увеличивается быстрее, нежели в странах, где ее немного и она дорога. На понижение задельной платы влияет также и климат, позволяющий людям жарких стран в отличие от стран холодного климата потреблять меньше пищи и меньше одежды. Так Бокль связывает влияние климата и пищи с законами народонаселения и распределения богатства.

Если пища, климат и почва влияют главным образом на накопление и распределение материального богатства, то характер природы действует на накопление и распределение так называемого умственного капитала. В странах жаркого и чрезмерно холодного климата характер и общий вид природы возбуждает человеческое воображение и подчиняет его власти более медленные и более сознательные действия рассудка. В странах умеренного климата характер природы всеми своими явлениями обращается к рассудку человека, возбуждает чисто логическую деятельность ума. В этом случае человек приобретает доверие к самому себе и к своим собственным силам. Короче говоря, по мнению Бокля, для того чтобы понять историю Индии или любой другой неевропейской страны, необходимо изучать их природу. Для того, чтобы понять историю Франции или любой другой европейской страны, необходимо изучать человека. Он полагает, что на этом различии между европейской и неевропейской цивилизациями основана вся философия истории.

Такова концепция Бокля.

Принимая некоторые частные положения этой концепции, Чернышевский не согласен с ее общими коренными установками. Чернышевский признает известное и на первых ступенях человеческой цивилизации весьма значительное влияние рассмотренных Боклем физических факторов на общественное развитие. Но, в противоположность Боклю, он считает, что «исторические влияния сглаживают их силу», то есть силу условий географической среды.

Чернышевский не согласен с утверждением Бокля, что будто уровень вознаграждения за труд в древних цивилизациях изменялся соответственно изменениям на рынке труда. Чернышевский справедливо заявляет, что этот принцип возможен только «при свободе работника», чего не было и не могло быть в условиях рабства.

Чернышевский решительно отвергает мальтузианский тезис Бокля, что будто нищета и бедность трудящихся обуславливаются быстрой размножаемостью людей, несоизмерной с производством пищи. Он не согласен с утверждением Бокля, что вытеснение пшеницы картофелем в Ирландии привело к удвоению народонаселения и к соответствующему падению заработной платы в этой стране. Он писал по этому поводу: «Весь ход фактов перепутан: не низкая плата явилась вследствие картофеля, а картофель распространился от низкой платы». Чернышевский убедительно показал явную несправедливость заключения Бокля, что узаконенная в Индии высокая рента (половина урожая) объясняется обилием риса и густотой населения. И «в России было то же, — замечал Чернышевский, — ясно тут не рис и не густота населения, а исторические причины».

Опираясь на действительные исторические факты, Чернышевский показал неправильность утверждения Бокля, будто в древнем Египте население быстро плодилось потому, что почва увеличивала снабжение, а климат уменьшал нужды, и что в результате этого египетский народ в эпоху его древней цивилизации оказался в безысходной бедности. «Но теперь (то есть в XIX веке. — В. Е.) в Египте в три раза меньше населения, нежели при калифах, не говоря о древности, когда было еще больше — а лучше ли живет народ?».

Чернышевский решительно опровергает тезис Бокля о том, что существует разряд стран, где силы природы сильны и всемогущи, и разряд стран, где силы природы слабы. «Где же природа слаба? — спрашивает Чернышевский. — Растительность слабее с широтою страны, а природа под всеми широтами одинаково сильна, и ее феномены одинаково колоссальны и страшны». Против того места книги Бокля, где говорится, будто в Индии грозные явления природы унижали достоинство человека, внушали ему страх, а в Греции влияние природы возвышало достоинство человека, Чернышевский заметил: «Эта разница есть, но не в природе, а в истории».

Чернышевский обвиняет Бокля в научной недобросовестности, в сознательном принижении восточной цивилизации. Когда Бокль писал, что «греки — единственная нация древнего мира, имевшая расположение к науке» и делавшая в этих целях исследования, и в подтверждение этого привел слова Канта о том, что «греки первые начали философствовать», — Чернышевский заметил: «Но все это лишь от тогдашнего незнания Востока — индийская математика и медицина. Что фигурального в серьезных метафизических системах Индии?». Иными словами, Кант мог не знать достижений индийской и китайской древней науки и философии, так как он жил в конце XVIII века, когда еще не существовало исследований о развитии науки в древнем Востоке. Бокль знал об этих исследованиях, но в своей книге пренебрегал ими.

Восхваляя европейскую цивилизацию, в частности греческую, Бокль всячески принижает цивилизацию стран неевропейских. Он приписывает, например, индийской мифологии, как и мифологии других тропических стран, одни лишь черты страха и ссылается при этом на священные книги индусов, на их предания и даже на форму и вид их богов. Чернышевский решительно не согласен с этим. Он замечает: «То же и в Греции. Светлые легенды есть и в Индии». В ответ на утверждение Бокля, что в Мексике, в Перу и в Египте народ даже не хотел представлять свои божества в человеческих формах, Чернышевский замечает: «Да кто же, как не люди, были их боги? Разве они были представлены в иной форме?».

Бокль полагает, что духовный прогресс есть произведение нравственного и умственного факторов: первый из них имеет ближайшее отношение к нашим обязанностям, второй к нашему знанию. Бокль считает влияние морали на развитие общества чрезвычайно ничтожным. Главной силой духовного прогресса, по его мнению, является умственный фактор, ибо он непрерывно изменяется и усиливается, всегда ведет к упрочению результатов цивилизации. По мнению Бокля, великие мыслители управляют делами человечества и своими открытиями определяют ход развития народов.

Чернышевский, как это хорошо видно из его заметок, согласен с Боклем, что мораль не может оказать решающего влияния на общий ход жизни. Но, в отличие от Бокля, он рассматривает мораль не как силу самостоятельную,

а как силу, зависимую и определяемую политикой господствующих классов на разных этапах общественного развития. По его глубокому убеждению, «мораль только одежда для выгод тех, кто формулирует ее, для оправдания кого формулируется она». Конечно, рассуждает Чернышевский, общие принципы морали различных эпох и народов в неопределенной форме действительно сходны, но их приложения к частным случаям не одинаковы. Принцип справедливости кажется вечным принципом, и он входит во все нравственные системы, относящиеся к самым различным эпохам, но этим великим принципом прикрывается осуществление самой несправедливой политики эксплуататорских классов в отношении трудящихся. Так, кредитор, на основе принципа справедливости, режет своих должников. Во имя этого принципа велись разбойничьи войны, этим принципом прикрывались в истории крестовые походы и т. д. и т. п.

Чернышевский не согласен с утверждением Бокля, что будто бы пороки и добродетели могущественных лиц, то есть деспотов, правителей, великих инквизиторов и т. п., если брать долгие периоды истории, уравниваются и не отражаются на среднем результате. Он справедливо пишет в своих заметках, что люди в обществе находятся «в разных положениях, обладают неравною силою и потому не балансируют один другого». Он спрашивает Бокля: «Но, например, чем балансируется хивинская хищность в самом хивинском обществе? Так есть и в других обществах или многочисленные, или сильные классы, в положении которых нет ничего балансирующего такую же тенденцию». Чернышевский опровергает положение Бокля о том, что будто колоссальные преступления Чингис-хана, Александра Македонского и Наполеона не оставили после себя заметного следа. По мнению Чернышевского, Чингисхан нанес огромный урон цивилизации Европы, задержал ее развитие на столетия.

Чернышевский выразил полное несогласие с утверждением Бокля, будто подавляющее большинство религиозных преследователей были люди с самыми чистыми намерениями. «Но штука в том, — писал Чернышевский, — что в религиозных преследованиях религия обыкновенно служила маскою для политики», «испанские религиозные гонения — не религиозные, а чисто политические (мавры, чужие, заговорщики; протестантизм — политическая опасность)».

Будучи великим просветителем, Чернышевский придает большое значение роли науки в развитии общества, но, как это видно из его заметок, не считает эту роль решающей. На утверждение Бокля, что искоренение религиозных преследований и уменьшение опасности войн является результатом деятельности человеческого ума, изобретений и открытий, сделанных людьми в течение веков, Чернышевский замечает: «Уж будто все дело только в технических знаниях». «Как добрые дела не исправляют, так и научные открытия не просвещают, когда обстоятельства противны распространению этого влияния. Вообразим Ньютона между безграмотными. Древняя цивилизация погибла между варварами. Сколько открытий пропало без пользы потому, что не хотели вникать». Короче: Чернышевский не согласен с Боклем в основном. Он не считает ни нравственный, ни умственный факторы решающими силами общественного развития. Оба эти фактора, по его глубокому убеждению, сами зависят от исторических обстоятельств жизни народов и государств и прежде всего от политики господствующих классов.

Чернышевский обнажает крайний идеализм и вопиющие противоречия в рассуждениях Бокля о роли религии, литературы и науки, права и государства в развитии общества. Если в первых главах своей книги Бокль доказывает решающую роль географической среды, физических законов в развитии общества, то в последующих главах он утверждает обратное. «Мы смотрим на законы ума, — писал Бокль, — как на великие регуляторы прогресса, а на физические законы — как на занимающие подчиненное положение и проявляющиеся только в случайных расстройствах, сила и частота которых издавна ослабевает и теперь в общем и целом почти не оказывает действия». Против этого высказывания Бокля Чернышевский заметил: «Он колеблется между сенсуализмом и идеализмом».

Характеризуя в общем отрицательно роль религии по отношению к цивилизации, Бокль считал положительными господствующими началами в умственной жизни Европы XVI—XVIII столетий «слепое, чуждое колебаний легковерие» и здравый скептицизм. С его точки зрения, в этот период, от времени до времени, являлся великий человек, у которого были сомнения относительно того, чему все верили, и дерзко противопоставлял свой рассудок мудрости предков. Чернышевский, близко подошедший к историческому материализму, критикует явную переоценку Боклем роли великих людей науки в развитии цивилизации и его утверждение о господстве легковерия в развитии цивилизации. «Дело не в том, — писал Чернышевский, — что скептицизм, преобразовав все отделы практических и спекулятивных знаний, ослабив авторитет привилегированных классов, дал свободе более надежный фундамент, бичевал деспотизм государей, обуздал надменность знати», — этого скептицизм не мог сделать, ибо «не в теории сила, а в том, — подчеркивал Чернышевский, — что приобрели силу свергнуть иго», что, иными словами, буржуазия в союзе с угнетенными массами городов и деревень оказалась сильнее класса феодалов.

Чернышевский блестяще доказывает, что деспотизм, против которого, по Боклю, было направлено легковерие и скептицизм мыслителей, нельзя сводить к суеверию или объяснять его силу суеверием. Деспотизм опирался не столько на суеверие, сколько на материальную силу. Разумеется, развитие естественных наук ограничивало рамки веры и суеверий, но отсюда, указывал Чернышевский, вовсе не следует вывод, сделанный Боклем, что будто бы развитие естественных наук прямо влияет на политику. Против того места книги Бокля, где говорится: «В силу одного лишь умственного движения, которое наивно поддерживала корона, в несколько лет были осуществлены реформы, изменившие облик общества», — Чернышевский заметил: «Очень неудачно. Связь между тенденцией к естественным наукам и либеральными мерами не могла быть так пряма, и естественные науки не могут оказывать свое влияние так быстро. Это сделано политической партией, оставшейся от прежних волнений, а не новым вкусом к естественным наукам».

Чернышевский развенчивает иллюзии Бокля о характере религиозных войн, происходивших в Европе. Он убедительно показывает, что религиозные войны везде носили политический характер и происходили по политическим мотивам. Против рассуждения Бокля о том, что правители Франции до Ришелье для наказания своих протестантских подданных не колебались просить помощи католических войск Испании, Чернышевский заметил: «Экая важность,

что дураки, запутавшись в междоусобицу, силу которой не предвидели, ищут помощи против инсургентов, хоть бы у самого чорта, не только у соседей!»

Бокль полагал, что «прежде религия была причиной войны, а также предлогом, под которым она велась. Потом пришло время, когда она перестала быть причиной, но все еще считали необходимым выставлять ее как предлог». Чернышевский уточняет: религия была «всегда только предлогом».

Представляют большой интерес замечания Чернышевского по поводу оценки Боклем роли Декарта. Характеризуя умственное движение во Франции с XVI по XVIII столетие включительно, Бокль на первый план выдвинул Декарта. По его мнению, Декарт «произвел революцию, более радикальную, чем произведенная когда-либо другим единичным умом». По оценке Бокля, Декарт был великим реформатором и освободителем европейского интеллекта. Чернышевский тоже очень высоко оценивал заслуги Декарта, но вместе с тем он полагал, что «система Коперника нанесла оковам удар в 1000 раз сильнееший, чем Декарт со всеми картезианцами». Против слов Бокля: «Эта необычайная вера в мощь человеческого интеллекта, характерная для Декарта, дала его философии особенную возвышенность, отличающую ее от всех других систем», Чернышевский заметил: «А немецкая философия побольше верит в силу разума. А философия XVIII века во Франции».

На многих страницах своей книги Бокль с бахвальством описывает достоинства английской буржуазной демократии и объясняет их особыми условиями завоевания демократии в Англии в отличие от континента. Установление демократии в Англии, по мнению Бокля, было прямо связано с развитием положительных знаний и обусловлено тем, что господствующие классы Англии всегда придерживались политики взаимных уступок и соглашений. Бокль в поучающем тоне ратует за английский путь политического развития, устанавливаемый якобы в результате большой подготовки населения к пользованию гражданскими правами. Он указывал, что, например, французы в противоположность англичанам являются все еще детьми в политике и обращаются с самыми важными вопросами с какой-то легкостью. И потому неудивительно, что они, по мнению Бокля, не имели успеха в делах, где первое условие успеха заключается в привычке людей полагаться на собственную энергию, тогда как англичане, прежде чем испробовать свое искусство в политической борьбе, отточили свое оружие в борьбе с трудностями гражданской жизни. Чернышевский основательно поправляет Бокля. Главным условием завоевания и сохранения демократии он считает сопротивление народных масс, «потому что, где было возможно сопротивление, демократия удержалась и в невежественные времена мужицким рассудком. Швейцары, дитмарсы, стендинги, фризцы» (стр. 590).

Бокль реформист. Он явный противник того пути в развитии цивилизации, который привел Францию, по его выражению, к революции «более кровавой, более полной и более разрушительной, чем те, какие когда-либо видел мир». Бокль ратует за английский путь развития, за путь соглашения и уступок в отношениях между классами.

Чернышевский последовательно разоблачает реформизм Бокля и отстаивает революционный путь развития. Когда Бокль в своей книге жалуется на то, что Людовику XVI не удалось спасти старый порядок и старые государственные учреждения даже и после того, когда он привлек в свои советы таких

реформаторов, как Тьюрго и Неккер, — Чернышевский заметил: «Но будто они (Тьюрго и Неккер)... получили власть проводить свои идеи!». Чернышевский не согласен с Боклем, что будто бы самые либеральные уступки со стороны Людовика XVI не предотвратили бы борьбы не на жизнь, а на смерть. «Пустое, — замечал Чернышевский, — прими Людовик сторону народной партии хоть бы даже весною 1792 г., дай уверенность ей, что искренен, — уцелел бы. Штука в психологической невозможности уступок без принуждения».

Буржуазный социолог Бокль не видит или всячески скрывает классовую сущность государства, пытается представить государство как надклассовое. Чернышевский, будучи великим революционным демократом, ясно понимает классовую природу государства, обнажает вздорность утверждений Бокля о надклассовости английской монархии. Когда Бокль, характеризуя короля Георга III как деспота с ограниченным умом, с жалким суеверием и невероятно гнусным властолюбием, писал, что, несмотря на все эти пороки, король не мог остановить движение английской цивилизации и роста процветания Англии, — Чернышевский заметил: «Что ж за подлецы, которые терпят негодая, если он не нужен им? — Пышный вздор; короли были нужны и важны для тори». Чернышевский показывает, что эксплуататорские классы готовы держать на троне любого деспота, если только он ограждает их от покушения со стороны революционно настроенных масс.

Касаясь утверждения Бокля, что испанский король Филипп расточал кровь и сокровища Испании якобы ради распространения религиозных мнений, Чернышевский убедительно продемонстрировал нелепость и вздорность этой и подобных ей легенд: «Деспот прикрывает свое властолюбие фразами о религии, — и господа историки серьезно повторяют их».

Чернышевский упрекает Бокля за то, что последний в своей книге вместо истории цивилизации пытается дать историю упадка религии и роста терпимости в Англии. По Боклю, на одной стороне в Англии было подавляющее большинство духовенства, не игравшего какой-либо прогрессивной роли в развитии общества, — на другой стороне — весь интеллект Англии. Самый факт, что такая оппозиция духовенству и религии могла существовать, не вызывая гражданской войны, показал, по мнению Бокля, как растущая интеллигентность народа ослабила авторитет духовной профессии. Чернышевский поправляет Бокля: решающая роль в ослаблении авторитета церкви и религии принадлежит английскому деизму и французскому материализму, что упущено Боклем в своей книге.

Чрезвычайно интересны заметки Чернышевского на тех страницах книги Бокля, где рассматривается вопрос о роли литературы в развитии цивилизации. Буржуазный реформист Бокль, рассматривая данный вопрос, писал: «Каждому народу следует стараться, чтобы литераторы были заинтересованы в том, чтобы быть на его стороне, а не на стороне его правителей. Ведь литература — представитель интеллекта, который прогрессивен, а правительство — представитель порядка, который неподвижен. Пока эти две великие силы разведены, они исправляют одна другую и воздействуют одна на другую, и народ может поддерживать их в равновесии». Чернышевский решительно не согласен с данной схемой Бокля. Он замечательно глубоко показывает, что связь литературы и правительства никогда не бывает такой, какой представляется она Боклю. «Порядок фактов, — указывал Чернышевский, — всегда

другой: 1) порабощено общество; 2) независимая литература подавлена силой; 3) рабство проникает и в литературу». Касаясь этого последнего звена, Чернышевский подчеркивает, что «литература бывает раболопна потому, что покровительством занимаются, доведя общество до рабства. Ее характер не причина, а только симптом. Иначе, общество оставит в презрении писателей-лакеев и другие будут его любимцами и учителями».

По мнению Бокля, подкуп королем виднейших представителей литературы является причиной наступления такого печального момента, когда общественное мнение не может пробиться наружу. Чернышевский справедливо поправляет: «Это не тогда, когда подкупают, а когда отнимают слово у неподкупленных».

Резкое обострение реакции в Испании, Германии, в Англии в первой половине XIX века Бокль объяснял особенностями развития религии и науки в этих странах. Чернышевский ставит этот вопрос совершенно по-другому. Против того места книги Бокля, где утверждается, что «Испания опять погрузилась во тьму», Чернышевский заметил: «А когда реакция стала резка? Не было ли это отражением общего страха от французской революции».

В заметках на книгу Бокля Чернышевский выступает как великий революционер, гениальный социолог, страстно отстаивавший и глубоко теоретически обосновывавший идею народной революции против эксплуататоров и всех их властей. Бокль боролся против рабства и феодализма, ради защиты буржуазного рабства. Чернышевский боролся против всякого рабства. Бокль выдает экономические и политические интересы буржуазии, борющейся против феодализма, за «общенародные» интересы. Чернышевский разоблачает эти попытки Бокля, вскрывает противоположность интересов трудящихся не только по отношению к феодалам, но и по отношению к буржуазии. Бокль, в конечном счете, решающей силой общественного развития считает личность мыслителя, ученого. Чернышевский последовательно отстаивает решающую роль народных масс в историческом процессе. Каждая строчка заметок Чернышевского направлена на защиту интересов трудящихся против эксплуататорских классов.

Замечания Чернышевского на книгу Бокля являются ценным источником более глубокого и всестороннего исследования роли Чернышевского в развитии не только русской, но и мировой прогрессивной философской и социологической мысли.

Для понимания генезиса мировоззрения Чернышевского важное значение имеют его семинарские сочинения.

Их число доходит до 225 и лишь немногие из этой огромной массы сочинений опубликованы. Семинарские сочинения Чернышевского представляют большой интерес, ибо они, хотя и писались на заданные темы, но тем не менее свидетельствуют о громадной пылкости юноши Чернышевского, свидетельствуют о его попытках самостоятельных поисков ответов на поставленные вопросы, об отходе его от той схоластики, дидактики и риторики, которые господствовали в тогдашнем школьном преподавании духовных семинарий. Семинарские сочинения Чернышевского убедительно свидетельствуют о том, что он испытал еще в ранней юности серьезное влияние произведений Белинского и Герцена. Небольшая часть их публикуется в приложениях к настоящему тому.

В сочинении «О следствиях книгопечатания» (1843 г.) пятнадцатилетний Чернышевский решительно выступает против утверждения, что «будто бы книгопечатание имело дурное влияние на нравы, умножив число дурных книг» (стр. 371). В сочинении высказывается навевшая Белинским мысль о том, что книгопечатание дало возможность установить «авторские права и посредством его писатели, дотоле жившие почти только милостынею вельмож, если не имели других источников дохода, кроме своих сочинений, стали хотя немного обеспечены насчет своего состояния». Это уже взгляд демократа-просветителя на значение книгопечатания.

Ярко выраженная демократическая тенденция пронизывает сочинение «О следствиях открытия Америки», относящееся так же к 1843 году. В этом сочинении, перечисляя следствия открытия Америки, Чернышевский утверждает, что «от бесчеловечного обращения европейцев с американцами» (там же) и от занесения европейцами в Америку оспы, пьянства и разврата «погибло почти все народонаселение Америки» (там же). Что касается последствий открытия Америки для Европы, то Чернышевский видит их, во-первых, в том, что «из Америки занесена туда страшная французская болезнь — язва не сравненно ужаснейшая чумы и холеры» (стр. 372). Во-вторых, «золото американское сначала дало Испании средства залить Европу кровью, а потом погубило ее и обеднило, а не обогатило всю Европу. Америка долго была для Европы источником кровавых войн» (там же). Что касается Африки, то последнюю «Америка лишила огромной части ее населения вывозом из нее негров, которые почти все погибли во время перевоза и под плетями надсмотрщиков плантаций».

В сочинении «О следствиях феодальной системы», тоже относящемся к 1843 году, семинарист Чернышевский выступает против мнения большинства тогдашних историков, будто феодальная система есть «безумное порождение веков безумства» (стр. 366), что она якобы «замедлила восстановление просвещения и торговли, подавила среднее сословие, столь необходимое в быту государственном, стеснила столь благодетельные для народов права монархической власти», ослабив ее междуособными феодальными распрями.

Чернышевский считает, что не феодальная система, а «переселение варваров» уничтожило и просвещение, и промышленность, и торговлю древнего мира, — не вассалы, а варварские народы подавили среднее сословие. «Переселение народов разорвало все общественные узы и отношения: как же образоваться тут среднему состоянию, состоящему из множества слабых неделимых, делающихся крепкими только по соединении между собою твердыми узами общественными? Как же скоро общественные отношения стали возобновляться, начало образовываться и среднее сословие, и вассалы не только не могли воспрепятствовать его развитию, но напротив того, держа общество это в непрерывном страхе, скорее способствовали теснейшему их соединению в одно целое».

Чернышевский полагает, что феодальная система не могла стеснить и монархической власти, ибо тогдашние монархи были в большей своей части предводителями или старшинами своих буйных дружин, которые и избирали и когда угодно сменяли их. Аттила и некоторые другие подобные ему люди, умевшие властвовать над своими воинами, являются исключениями из общего правила.

Чернышевский согласен, что история средних веков заполнена бунтами вассалов, но это объясняется тем, «что они одни имели возможность восставать, а все прочие сословия были бессильны. Стали бы восставать и простые граждане, если бы могли, стали бы восставать и рабы. Таков уже был всеобщий дух тех времен».

Чернышевский считает феодальную систему исторически необходимой, ибо народы, нахлынувшие в начале средних веков на Европу, и могли жить только под феодальной системой. «Ленная система вытекла из духа этих народов». Всякая другая система была бы хуже феодальной, заставлявшей оседать на земле полчища варваров и тем самым устанавливать какие-то постоянные отношения с покоренными народами.

В этом сочинении, поражающем смелостью попыток автора выработать свою точку зрения и решительно противопоставить ее другой и притом господствующей точке зрения в тогдашней исторической науке по вопросу о феодализме, еще содержится тезис, опирающийся на библейскую догму о том, что рука всевышнего постоянно ведет народы к лучшему и благодаря этому даже «самые губительные, повидимому, перевороты приносят благие плоды».

В 1845 году, когда Чернышевский учился в философском отделении семинарии, им был написан ряд сочинений о метафизике и космологии. В основе своей эти сочинения излагали содержание изучавшихся тогда в духовных учебных заведениях рукописных лекций по метафизике и космологии профессора Московской духовной академии Голубинского. Разумеется, это был от начала и до конца идеалистический курс философии, но автор его, будучи весьма образованным человеком того времени, прекрасно знающим главные европейские языки, европейскую и русскую философию и естественно-научную литературу, пытался согласовать открытия и выводы развивающегося естествознания с догмами религиозного мирозерцания.

В сочинении «Смерть есть понятие относительное», написанном в 1845 году и получившем весьма хорошую оценку преподавателя, доказывается, что «всякое состояние какого бы то ни было предмета, принадлежащего к миру, может быть названо и жизнью и смертью, смотря по тому, в каком отношении будем на него взирать» (стр. 375).

Если мы, говорится в сочинении, возьмем природу органическую, но лишённую сознания, то она мертва по отношению к существам, одаренным сознанием. Но эта же природа органическая является живой, если сравнить ее с природой неорганической. «Но и самая неорганическая природа, мертвая пред природою органическою, существует же, имеет же бытие: и состояние ее не жизнь ли, если сравнить его с состоянием ничтожества?» (стр. 375—376). Смерть человека, указывается в сочинении, есть тоже понятие в известном смысле относительное, ибо, по мнению семинариста Чернышевского, через смерть душа человека переходит в новое состояние, по сравнению с которым наша жизнь на земле есть смерть. Смерть человека «есть смерть только для тела, а для души жизнь. Но и для тела состояние после разделения души с телом можно назвать смертью только в известном отношении, именно только в отношении к прежнему его состоянию. И самое тело разве тогда перестает существовать? Оно разрушается, но части его продолжают тем не менее бытие свое, только в другом измененном, разрозненном виде. А что же такое, как не жизнь, есть бытие? Так одно и то же состояние можно назвать и жизнью, и

смертью по тому, с какой точки зрения и в каком отношении будем на него смотреть. Нет в мире неотносительной, безусловной смерти; нет в нем и безусловной жизни: и нет ее нигде, кроме существа бесконечного».

Критическая мысль Чернышевского пробивается в этом сочинении, она ясно видна в его рассуждении об условности, относительности физической смерти многообразных явлений природы. Но эта критическая мысль придавлена догмой о всемогущей роли в возникновении и развитии природы творца вселенной, то есть бога.

В сочинении под названием «Обманывают ли нас чувственные органы?», относящемся к 1845 году, решительно отвергаются агностические доводы Эккартсгаузена, построенные «на уподоблении чувственных органов оптическим стеклам» (стр. 374), и выражается глубокая вера в силу разума и чувственного познания человека. «Для какой же цели даны нам чувства, если они только обманывают нас и таким образом не помогают, а вредят нам, повергая нас ежеминутно в заблуждения, которые не могут не быть для нас очень часто пагубными? Неужели для того, чтобы обманывать нас? К сожалению, и без этого уже слишком много у людей поводов и причин к заблуждениям» (стр. 375). Разумеется, обоснование и здесь дается теологическое: «А кто же был бы в таком случае виновником обмана, в который повергали б нас чувства? Без сомнения тот, кто нам дал их. Но чтобы бог был виновником лжи и причиною обмана, это решительно невозможно».

Как видно из краткого изложения содержания опубликованных в томе семинарских сочинений Чернышевского, он не был, да, при сложившихся тогда для него обстоятельствах, и не мог быть материалистом в области философии, каким пытаются представить его некоторые исследователи. Его воззрение на природу было тогда вполне религиозно-философское, хотя некоторые из семинарских сочинений свидетельствуют о живом интересе их автора к научному естествознанию. Сам Чернышевский впоследствии, а именно в «Полемических красотах», защищая материализм против Юркевичей и Катковых, вспоминал: «Все мы, семинаристы, писали точно то же, что написал г. Юркевич. Если угодно, я могу доставить в редакцию «Русского вестника» так называемые на семинарском языке «задачи», то есть сочинения, маленькие диссертации, писанные мною, когда я учился в философском классе саратовской семинарии. Редакция может удостовериться, что в этих «задачах» написано то же самое, что должно быть написано в статье г. Юркевича» (наст. изд., т. VII, стр. 726).

Но вместе с тем семинарист Чернышевский под влиянием «впечатлений жизни» и произведений передовой русской и европейской литературы, особенно под влиянием «Отечественных записок», формировался как демократ и гуманист, как пламенный патриот своей родины. В сочинении «Выгодно ли вести войну в неприятельской земле, вне пределов своего отечества», относящемся к 1843 году, Чернышевский писал: когда народы «горячо любят свою родину, свою независимость..., то опасно входить в их землю. Ибо легко может произойти народное восстание, и тогда гибель самой сильнейшей армии неизбежна» (стр. 369). Легко предположить, что этот вывод навеян Чернышевскому событиями Отечественной войны 1812 года, а равно патриотическими произведениями русской литературы.

К 1845 году относится и сочинение «Образование человечества зависит от образования молодого поколения», в котором семинарист Чернышевский

предстает перед нами как убежденный сторонник принципа общественного прогресса, с неоспоримостью утверждающий, что «род человеческий совершенствуется; усовершенствование его простирается на все отрасли жизни его, духовной и телесной, умственной и физической». Автор сочинения полагает, что в прогрессе человечества решающую роль играет молодое поколение, от которого зависит как ускорение, так и замедление человеческого образования. «Знание — это неисчерпаемый рудник, который доставляет владельцам своим тем больше сокровища, чем глубже будет разработан. Конечно, владелец его не в силах уничтожить богатства, находящиеся в его недрах; но может продолжать или прекратить его разработку, и самую эту остановкою затруднить дальнейшую разработку его своим наследникам: оставленный без попечения, рудник заваливается землею, обрушивается, заливается водою».

Будучи полным наследником того богатства, которое собрано предыдущими поколениями, молодое поколение может умножить это богатство и тем самым иметь величайшее влияние на будущие успехи человечества по пути образования. «И это одно уже должно побуждать нас, — говорится в сочинении, — всеми силами стремиться к просвещению, быть самыми ревностными и неутомимыми деятелями на поле знания; подумаем только: ход образования целого человечества зависит от нашей деятельности».

К концу пребывания Чернышевского в семинарии относится и «Рассуждение. Следует ли отдавать предпочтение школьному воспитанию перед домашним». Оно содержит резкую критику крепостнических принципов тогдашнего школьного воспитания, особенно постановки воспитания и образования, царившей в духовных училищах и семинариях. Недаром это сочинение семинариста Чернышевского, формировавшегося в демократическом направлении, получило положительную оценку преподавателя лишь за стиль. Что касается содержания рассуждения, то в преподавательском отзыве не скрывается враждебное порицание: «но направление мыслей, обращение внимания только на школьные злоупотребления — ложно. Ничего не сказано, — подчеркивается в отзыве, — о цели, к которой направляет школу высшая власть» (стр. 718).

В период пребывания в семинарии Чернышевский испытал исключительно сильное благотворное влияние передовой русской литературы и в особенности литературно-критических, историко-литературных и эстетических произведений Белинского. Белинскому он духовно обязан и тем, что решил бросить духовную семинарию, и в 1846 году поступил в Петербургский университет в надежде посвятить себя служению народу и России на поприще науки. Влияние Белинского чувствуется в каждой строчке знаменитого письма Чернышевского к Пыпину, написанного вскоре после поступления в университет в августе 1846 года, в котором Чернышевский с глубокой скорбью пишет о печальном состоянии русской науки в России, о господстве в русских научных учреждениях иностранцев и высказывает свои сокровенные мысли о великом будущем России, о роли русского народа в развитии общечеловеческой цивилизации.

«Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русской, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеною ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполнину было разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона».

Не жребий монголов и гуннов должен быть сужден нам и в науке... Решимся твердо, всею силою души, содействовать тому, чтобы прекратилась эта эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей, чтобы она перестала быть чужим кафтаном, печальным безличьем обезьянства для нас. Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни — науке, как сделала она это уже в одном — жизни государственной и политической. И да совершится чрез нас хоть частью это великое событие!.. Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вождеднее этого?» (наст. изд., т. XIV, стр. 48).

Это письмо является известным итогом главных понятий, с которыми приехал Чернышевский в Петербургский университет.

В течение всей своей жизни Чернышевский был верным служителем родине и народу, трибуном национальной гордости великороссов, пламенным поборником дружбы народов России. Он называл свой народ великим русским народом, ибо народ, дважды спасший грудью своей Европу и ее цивилизацию от гибели, есть великий народ.

Чернышевский страстно мечтал о наступлении эпохи, когда русский народ уничтожит гнет эксплуататоров, установит демократические и социалистические порядки, создаст высокую материальную и духовную культуру.

Он мечтал о машинах, которые будут «строить дороги и проводить каналы; и поправлять реки; и проводить канавами и ручьями и реками воду для поливания полей; и отводить воду канавами и реками, чтоб не было болот, и не было болезней от болот; потому что всякая болезнь от болот» (стр. 342). Он верил, что труженики земли, ликвидировав своих эксплуататоров, способны и создать общество, в котором «будет все, как нужно людям, и будет всего у людей, сколько нужно; и будут люди жить хорошо» (стр. 343).

Эти слова Чернышевского являются пророческими. Наш народ, руководимый коммунистической партией, уничтожил буржуазно-помещичий общественный строй, построил социалистическое общество и уверенно идет по пути к коммунизму.

Таково существенное содержание главных произведений настоящего дополнительного XVI тома полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского.

Чернышевский дорог народам нашей родины как вождь революционного освободительного движения против царизма в России середины XIX века, как воспитатель подлинных революционеров в России, как великий предшественник марксизма в нашей стране. Он велик и как революционер-демократ и как утопический социалист, ближе всех подошедший к научному социализму.

Труды Чернышевского составили эпоху в развитии политической экономики, ибо ему удалось мастерски осветить, по выражению Маркса, банкротство буржуазной политической экономики и выработать ряд важных положений политической экономики трудящихся.

Труды Чернышевского являются вершиной мировой материалистической философской мысли в домарксовский период ее развития. В работе по вопро-

сам отечественной и всеобщей истории Чернышевский выступает как выдающийся ученый и чрезвычайно глубокий социолог своей эпохи.

Произведения Чернышевского — это исключительно важный этап в историко-литературном, литературно-критическом и эстетическом развитии нашего народа. Вся прогрессивная литература России второй половины XIX века и до Горького шла по пути, указанному ей Белинским, Добролюбовым и Чернышевским. Многие положения Чернышевского из этой области сохраняют всю свою силу и для нашего времени.

Произведения Чернышевского — это страстная и всесторонняя проповедь гуманизма, ненависти ко всяческой реакции и любви к трудящимся. Его жизнь и деятельность — это образец благородного и неустанного служения писателя народу и отечеству, образец преданности делу народной революции и социализма.

Революционная практически-политическая, научная и художественная деятельность Чернышевского имеет всемирно-историческое значение, ибо всемирно-историческое значение имеет русское освободительное движение, во главе которого в середине XIX века стоял Чернышевский.

Сочинения Н. Г. Чернышевского и сейчас служат делу борьбы против империалистических поджигателей новых войн, душителей мирового освободительного движения. Вместе с тем сочинения Чернышевского помогают нашей советской культуре воспитывать чувство национальной гордости советских людей за свое революционное прошлое и в особенности за свое героическое настоящее и величественное будущее.

В. Евграфов